

Международный ежегодник по философии культуры. 1913

Книга III и IV

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М43

М43   Международный ежегодник по философии культуры. 1913: Книга III и IV / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 382 с.

ISBN 978-5-458-04959-7

Издание организовала в 1910 г. группа молодых российских (С. Гессен, Ф. Степун, Н. Бубнов) и немецких философов (Р. Кронер, Г. Мелис). В Москве журнал выходил в издательстве «Мусагет», а позже – в «Товариществе Н. О. Вольфа». В Тюбингене издателем был Зибек. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Позже к ним присоединились А. А. Чупров и А-р И. Введенский, а Лосский и Франк вышли из журнала. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру. Журнал следовал главным образом неокантианской традиции во всех ее проявлениях. Основной была идея автономии философского знания, преобладали публикации о проблемах теории познания. «Логос» дистанцировался от философских течений, основанных на «внефилософских» началах (натурализм, психологизм, историзм, религиозная философия мистического и онтологического характера; сюда же была зачислена и русская религиозная философия). Поскольку журнал пропагандировал прежде всего немецкую философию, то с началом Первой мировой войны в 1914 г. он перестал выходить (лишь в 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание, но дальше выпуска одного номера дело не пошло).

ISBN 978-5-458-04959-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

такъ что систематическій методъ оказывается не чѣмъ инымъ, какъ цензурной инстанціей, не пропускающей въ систему ничего, что не было бы предварительно «систематически» урѣзано.

Въ области серьезнаго философскаго изслѣдованія легко отдѣлаться отъ такихъ сомнѣній. Здѣсь ни система, ни методъ не могутъ имѣть предписывающаго, нормативнаго значенія; тамъ же, гдѣ это имѣть мѣсто, мышленіе становится безнадежно догматичнымъ. Въ свѣтѣ критическаго размышленія система можетъ быть только цѣлью, дезидератомъ, а не исходнымъ пунктомъ. Система—не начало, а конецъ философскаго познанія. Этотъ конецъ никогда не бываетъ достигнутымъ, никогда не бываетъ завершеннымъ, потому что философское познаніе никогда не бываетъ законченнымъ. Система означаетъ идеальную полноту этого познанія. Поэтому ея методическое значеніе для трактованія отдѣльныхъ проблемъ никоимъ образомъ не можетъ быть связующимъ; ибо оно заключается лишь въ отношеніи къ идеальной конечной цѣли познанія. Не можетъ быть, слѣдовательно, никакой рѣчи о томъ, чтобы одна опредѣленная, ограниченная система предшествовала образованію метода и вліяла на него незаконнымъ образомъ. Систематическій методъ вообще можно и должно понимать не въ смыслѣ какой-нибудь опредѣленной системы, а только въ смыслѣ тенденціи къ образованію системы вообще. Заранѣ созданный образъ системы самъ необходимо долженъ быть захваченъ процессомъ развитія, самъ долженъ измѣняться мало-по-малу въ прогрессѣ познанія. Система означаетъ не какую-либо данную статистику, а лишь исканіе ея—систазисъ.

Все это имѣетъ значеніе и въ примѣненіи къ методу; но только здѣсь труднѣе усмотрѣть правильность указанныхъ соображеній. Методъ, повидимому, не есть конецъ и цѣль философіи, а начало, предпосылка, вѣрнѣе—всюду проходящая и все шагъ за шагомъ обуславливающая руководящая нить. Она должна, стало-быть, овладѣть уже самымъ началомъ философскаго мышленія. Тамъ, гдѣ вообще трактуются какія-нибудь проблемы,—тамъ въ самомъ этомъ «трактованіи» методъ уже имѣется налицо. Слѣдовательно, методъ гораздо легче, чѣмъ систему, заподозрить въ заранѣе приобрѣтенной опредѣленности и ограниченности.

На это можно отвѣтить такимъ образомъ: одно дѣло—примѣнять методъ, другое—познавать его. Конечно, тамъ, гдѣ примѣняется методъ, онъ долженъ быть уже налицо; примѣненіе его есть его функционированіе. Но вовсе не необходимо, чтобы то познаніе, которое его примѣняетъ и въ которомъ онъ, стало-быть, функционируетъ, обладало

также сознаниемъ этого примѣненія, этого функционированія,—стало-быть, сознаниемъ «метода, какъ таковаго». Наличность и дѣйственность метода не зависятъ поэтому отъ наличности сознанія метода. Такъ напр., формально-логическіе методы умозаключенія являются наличными положительно во всякомъ мышленіи. Но не всякое мышленіе сознаетъ эту наличность; если же и сознаетъ, то въ общемъ не становится отъ этого сколько-нибудь методичнѣе.

Интересно, что такъ обстоитъ дѣло, въ сущности, со всякимъ методомъ,—фактъ, хорошо знакомый историку философіи. Если обратить вниманіе лишь на то, напр., какъ много методики уже въ работѣ досократовцевъ и какъ, съ другой стороны, у нихъ совершенно еще отсутствуетъ рефлексія, направленная на приемы ихъ собственной мысли, то фактъ скрыто-дѣйствительнаго метода выступить передъ нами съ полной очевидностью. Если же приглядѣться къ тому, какъ Платонъ и Аристотель выявляютъ эти имманентные моменты метода досократовцевъ, то станетъ понятно, почему это такъ и должно быть, почему познаніе содержанія должно предшествовать познанію метода.—Ибо безъ развитія направленной только на содержаніе натурфилософіи, т.-е. безъ сперва наивнаго и безсознательнаго примѣненія метода, позднѣйшіе философы никакъ не могли бы къ нему прійти. Изслѣдованіе метода предполагаетъ опытъ въ его примѣненіи. Нужно самому работать по извѣстному методу, чтобы вообще быть въ состояніи его оцѣнить. Строить методъ какъ бы а priori до его употребленія не только нелѣпо, но и невозможно. Этого не бываетъ въ дѣйствительности, потому что этого и не можетъ быть. Тотъ, кто думаетъ, что для него это было возможно, ошибается относительно источниковъ своего знанія. Лишь отъ примѣненія можно заимствовать методъ, только на примѣненіи можно научиться ему.

Априорность метода имѣетъ, однако, совершенно иной смыслъ. Она означаетъ необходимую наличность метода, какъ «условія», во всякомъ примѣненіи, т.-е. во всякомъ познаніи, а не сознаніи этой наличности. Методъ познанія есть первое изъ всѣхъ условій; познаніе же метода есть самое позднее изъ всѣхъ познаній.

При критическомъ размышленіи, совершенно недопустимо подъ лозунгомъ метода навязывать ходу философскаго изслѣдованія произвольныя и предвзятыя точки зрѣнія. Логическое опредѣленіе также не можетъ сдѣлать методъ неподвижнымъ и негибкимъ. Опредѣленіе, по необходимости, касается сперва лишь такихъ фазъ развитія метода, которыя уже имѣются налицо, какъ фактъ. Если же изслѣдованіе метода стремится заглянуть впередъ и сдѣлать нѣкоторыя предположе-

нія о будущемъ, то это оказывается возможнымъ лишь на основѣ предвидѣнія будущаго содержанія проблемъ. А предвидѣніе въ отношеніи содержанія само есть опять-таки вступленіе на еще незнакомые и неизслѣдованные пути познанія; оно свидѣтельствуетъ о наличности неизвѣстнаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго метода. Поэтому его съ полнымъ правомъ считаютъ дѣломъ творческой способности и особаго дарованія.

Настоящее изслѣдованіе вовсе не стремится конструировать и предлагать новый *methodus philosophandi*, а имѣетъ въ виду лишь отдать себѣ отчетъ въ старомъ, испытанномъ методѣ. Не то, чтобы этотъ старый методъ, или, вѣрнѣе, эти старые методы уже много разъ не выдерживали испытанія. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ это испытаніе было настолько основательнымъ, что относительно нихъ уже мало остается сказать новаго; и лучше всего, оставить на своемъ мѣстѣ нетронутыми старыя, классическія формулировки. Но въ указанныхъ старыхъ методахъ есть и другіе, точно такъ же стоящіе подъ вопросомъ и нуждающіеся еще въ самомъ элементарномъ уясненіи, пункты. И вообще нельзя себѣ представлять философскую методику такой простой, какой ее себѣ можетъ мыслить адептъ построенной съ ея помощью системы; ее нельзя исчерпать за одинъ разъ, — ее нельзя даже исчерпать въ ограниченномъ рядѣ изслѣдованій. Она все снова и снова открываетъ въ себѣ новыя глубины и вслѣдъ за каждой ея проблемой выплываетъ новая проблема, еще болѣе трудная.

Такимъ образомъ, имѣетъ смыслъ, не обращая вниманіе на цѣнность или нецѣнность традиціи, придерживаться вначалѣ испытаннаго временемъ типа методовъ. Изслѣдованіе наше руководствуется при этомъ въ конечномъ счетѣ систематическимъ интересомъ, т.-е. направляется на уясненіе того, сколько систематическаго характера содержится въ самихъ изслѣдуемыхъ методахъ, а именно, — насколько они связаны другъ съ другомъ, насколько они обусловливаютъ и дополняютъ другъ друга, однимъ словомъ, — насколько они образуютъ систему методовъ; затѣмъ изслѣдованіе интересуется тѣмъ, насколько — въ этой ихъ связи — они готовятъ идеальную систему философіи. *Exemplum crucis* перваго вопроса лежитъ въ области описательнаго метода, *exemplum crucis* послѣдняго — въ области метода діалектическаго. Оба эти метода противоположны другъ другу и не имѣютъ непосредственныхъ точекъ соприкосновенія. Посредствующее, центральное положеніе между ними занимаетъ трансцендентальный методъ. Исходя изъ него, можно перейти къ обоимъ другимъ. Онъ является естественнымъ исходнымъ пунктомъ.

I. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОДЪ.

Понятіе и терминъ трансцендентальнаго неразрывно соединено для современнаго философскаго сознанія съ философіею Канта: въ ней его источникъ, въ ней же его систематическое обоснованіе. Несмотря на это, смыслъ и понятіе трансцендентальнаго въ теченіе XIX столѣтія подвергался значительнымъ колебаніямъ. Его слишкомъ тѣсно связали съ великимъ вопросомъ объ идеализмѣ и реализмѣ, поводъ къ чему далъ самъ Кантъ. Собственная многолѣтняя борьба Канта съ этой проблемой, незрѣлыя фазы которой остались въ его произведеніяхъ на ряду со зрѣлыми формулировками, сдѣлала возможнымъ то, что въ теченіе нѣкотораго времени логическое содержаніе ученій Канта извращалось и получало противоположное его образу мыслей освѣщеніе. Упускалось изъ виду то обстоятельство, что Кантъ совершенно опредѣленно желалъ охарактеризовать не трансцендентальное при помощи идеализма, а идеализмъ при помощи трансцендентальнаго. Его ясное отграниченіе собственной точки зрѣнія отъ всякаго, эмпирическаго, психологическаго, метафизическаго и субъективнаго идеализма могло быть забыто въ позднѣйшее время, когда главный интересъ былъ направленъ все еще на субъектъ. Тогда подъ трансцендентальнымъ необходимо пришлось понимать субъективную характеристику познанія и его предмета. А методъ, который оперировалъ съ этимъ понятіемъ, долженъ былъ повести къ обоснованію объекта на субъективныхъ принципахъ.

Для Канта же, напротивъ, важно было понять принципы въ ихъ логическомъ характерѣ, какъ «условія возможности» опыта, равно какъ и предмета опыта. Въ этомъ обусловливающимъ отношеніи принципъ къ предмету, который на нихъ основывается, и состоитъ основной характеръ трансцендентальнаго. Трансцендентальнымъ является принципъ, поскольку онъ есть условіе чего-либо дѣйствительнаго. А трансцендентальный методъ характеризуется тѣмъ, что въ немъ, исходя изъ дѣйствительности предмета, мы заключаемъ къ условіямъ его возможности. Непреходящая заслуга Германа Когена и состояла въ томъ, что онъ снова вернулъ почетное положеніе этому подлинному смыслу трансцендентальнаго и сдѣлалъ плодотворнымъ названный этимъ именемъ методъ.

Трансцендентальный методъ въ этомъ значеніи можно, однако, извлечь и не только изъ кантовой философіи. Онъ является вѣчнымъ (ибо онъ неизбѣженъ) элементомъ всякаго философскаго мышленія и въ извѣстномъ смыслѣ его можно найти во всякой философіи. Ибо онъ,

въ сущности, есть методъ всякаго установленія принциповъ и тѣмъ самымъ всякаго принципиальнаго познанія предмета. Вѣдь, всякая философія ищетъ принциповъ для обоснованія еще проблематичнаго предмета. Предметъ,—въ чемъ бы онъ ни состоялъ,—является для философскаго размышленія сперва чѣмъ-то еще непонятнымъ, лишеннымъ опредѣленности, полной загадкой: онъ составляетъ «проблему». Если же онъ долженъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь бѣльшимъ, то разумъ долженъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что непонятно въ немъ. Но отдать себѣ подобный отчетъ (Платонъ) можно лишь путемъ «положенія въ основу» принциповъ, изъ которыхъ его опредѣляютъ, объясняютъ, устанавливаютъ, короче, — стремятся понять, какъ нѣчто необходимое.

Сущность этого «полаганія въ основу» заключается опять-таки въ томъ, что оно сначала не считаетъ принципы сколько-нибудь достоверными, а лишь предполагаетъ ихъ въ видѣ допущенія, «гипотетически», т.-е., стало быть, до достовернаго знанія антиципируетъ ихъ. Поэтому первая попытка фиксировать въ теоріи познанія этотъ первоначальный методъ философіи привела къ понятію «гипотезъ». Раскрытие необходимо гипотетическаго характера всякаго образованія принциповъ является основнымъ пунктомъ платоновой философіи.

На чемъ же покоится этотъ необходимо гипотетическій характеръ принциповъ? Онъ явно указываетъ на нѣкоторую особенную и неизбежную обусловленность, присущую самимъ философскимъ принципамъ. Но въ такомъ случаѣ должно быть возможнымъ установить закономерное отношеніе между обусловленнымъ и его условіемъ; а самъ принципъ оказывается тогда понятіемъ отношенія. /

Такъ фактически обстоитъ дѣло во всякомъ философскомъ способѣ вывода. Принципъ, для философскаго познанія, какъ таковой,—*ratio cognoscendi*—, зависитъ отъ проблемы предмета, «для» которой онъ полагается: гипотеза должна «согласоваться» съ предметомъ, т.-е. должна выполнить то, для чего она была придумана,—должна обосновывать предметъ, быть его основаніемъ. Или, какъ говоритъ Кантъ: категорія должна быть «примѣнимой къ созерцанію». Въ этомъ — критерій ея правильности. А такъ какъ все заключается въ установленіи «правильной» связи, то, очевидно, весь смыслъ принципа кроется въ этомъ его соотношеніи съ предметомъ. Внѣ его онъ не можетъ имѣть никакого смысла. Категоріи обладаютъ только значимостью «для» эмпирическаго употребленія. Гипотеза теряетъ смыслъ безъ согласія ея съ вещами. Въ этомъ согласіи коренится бывшая когда-то предметомъ жаркой полемики «причастность вещей идеямъ». Это — то соотношеніе

основанія, для котораго Фихте отчеканилъ мѣткое выраженіе соотношенія «принципа и принципіата».

Принципъ и предметъ образуютъ поэтому неизбежную двойственность. Они никогда не могутъ слиться воедино, весь смыслъ ихъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу. А отношеніе предполагаетъ разстояніе. Оно возможно лишь между различнымъ, какъ бы между раздвинутымъ. Тѣмъ не менѣе ихъ двойственность никоимъ образомъ не означаетъ изначальнаго дуализма: она не дѣлаетъ изъ философіи какую-то теорію двухъ міровъ. Принципъ и предметъ не образуютъ каждый самъ по себѣ отдѣльныхъ міровъ, которые затѣмъ могли бы быть соединены чрезъ взаимоотношеніе и согласіе, при чемъ задача философіи состояла бы въ томъ, чтобы перекинуть мостъ надъ пропастью между ними. Ибо нѣтъ никакой сферы однихъ только принциповъ, никакого царства существующихъ самостоятельно идей, никакого *χώρας νοητῶς* въ смыслѣ чего-то безотносительно абсолютнаго. Вѣрнѣе, идеи бываютъ только «въ вещахъ», а принципы суть принципы предмета, и только «для» предмета; они суть его законы, формы его бытія. Поэтому нѣтъ также никакого міра вещей, который былъ бы данъ самъ по себѣ, нѣтъ определенныхъ въ законномѣрномъ порядкѣ возникающихъ и переходящихъ предметовъ, которые не имѣли бы этой своей определенности и законмѣрности отъ чего-то иного, невещнаго. Этими инымъ могутъ быть только принципы. Предметы, слѣдовательно, существуютъ лишь «черезъ» принципы совершенно такъ же, какъ принципы существуютъ лишь «для» предметовъ.

Въ двойственности принципа и предмета оба члена являются такимъ образомъ несамостоятельными, оба существуютъ лишь въ отношеніи другъ къ другу. Они сплошь образуютъ только «одинъ» міръ. Но этотъ единый міръ не лишенъ, однако, извѣстной структуры, онъ расчленяется весьма характернымъ образомъ, какъ насквозь проникающее логическое соотношеніе обоснованія, въ которомъ, какъ во всѣхъ настоящихъ соотношеніяхъ, единство связи логически болѣе первоначально, чѣмъ двойственность соотносящихся членовъ. Полярность принципа и предмета и есть какъ разъ проникнутая въ самой себѣ единствомъ логическая структура, которая именно потому, что она есть вообще структура, должна содержать въ себѣ моментъ многообразія. Этотъ моментъ заключается въ двойственности полюсовъ; онъ оказывается весьма плодотворнымъ, благодаря тому обстоятельству, что въ немъ съ самаго начала содержится нѣкоторое двоякое отношеніе, нѣкоторая двойственная связь.

Первое отношеніе заключается въ логической связи обоснованія.

Въ ней принципы являются обусловливающимъ, предметъ — обусловленнымъ. Принципы суть необходимыя предпосылки предмета. По отношенію къ нему они суть нѣчто первоначальное, нѣчто апіорное. Въ этомъ обусловливаніи лежитъ трансцендентальный смыслъ апіорности въ отличіе отъ всего метафизическаго и психологическаго. Не въ томъ дѣло, что прежде познается, а только въ томъ, что по содержанію является обусловливающимъ. Этимъ не устанавливается какое-нибудь отношеніе мышленія къ бытію, напр., что предметъ означаетъ бытіе, или что принципы слѣдуетъ искать въ мышленіи. Скорѣе, мышленіе и бытіе сдѣлались здѣсь безразличными. Это есть то именно, что издавна хотѣли выразить понятіемъ тождества мышленія и бытія. Какъ разъ въ отношеніи къ принципамъ — но не въ отношеніи къ вещамъ — имѣетъ мѣсто это тождество. Опытъ и предметъ опыта не тождественны; потому что всякій опытъ ограниченъ и постоянно стремится выйти за предѣлы этой ограниченности; а предметъ опыта есть для него безконечный идеаль, вѣчная задача, «х», центръ тяжести котораго — именно его совокупность — всегда лежитъ внѣ опредѣленной границы. Лишь принципы должны быть тождественными для мышленія и бытія; являясь условіями возможности опыта, они должны, по слову Канта, быть «въ то же время и условіями возможности предмета опыта». Лишь такимъ образомъ возможно вообще познаніе предмета. Поэтому принципы съ самаго начала должны обладать характеромъ нѣкотораго бытія. Обусловливаніе есть также бытіе, и именно «впервые настоящее бытіе». Если уже предметъ означаетъ бытіе, то насколько больше, слѣдовательно, является бытіемъ то условіе, чрезъ которое «есть» это бытіе. Въ этомъ вѣчный смыслъ платоновскаго «ὄντως ὄν».

На ряду съ этимъ отношеніемъ логическаго основанія и бытія — отношеніемъ, которое можно кратко обозначить старымъ именемъ *ratio essendi* (исключая при этомъ всякое некритическое побочное значеніе этого выраженія), — выступаетъ затѣмъ второе отношеніе между принципомъ и предметомъ, характеризующее ходъ философскаго познанія — *ratio cognoscendi*, и представляющее собой въ одномъ весьма опредѣленномъ смыслѣ точное обращеніе перваго. Для философскаго познанія апіори никогда не бываетъ непосредственно даннымъ, а всегда только искомымъ. Даннымъ бываетъ лишь предметъ, но не какъ «предметъ», т.-е. не съ тѣми опредѣленіями, которыя дѣлаютъ его предметомъ, а въ формѣ антиципации, какъ «проблема». Чтобы отъ проблемы прійти къ предмету, нужно отыскать то, что играетъ въ немъ роль опредѣляющаго начала. А оно заключается всегда въ законахъ или принципахъ. Слѣдовательно, нужно прежде всего отыскивать принципы. Это

отыскиваніе принциповъ опять-таки можетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ нѣкоторомъ методѣ заключенія. Надо заключать отъ проблемы предмета къ условіямъ предмета. А такъ какъ образующій проблему предметъ есть логически позднѣйшее, а его условія — логически болѣе первоначальное, то вся эта методика есть обратное заключеніе. Болѣе первоначальное въ отношеніи логическаго бытія является позднѣйшимъ для пути познанія.

Въ такомъ обратномъ заключеніи и состоитъ сущность всякаго отыскиванія принциповъ — сущность трансцендентальнаго метода. Именно поэтому онъ является «гипотетическимъ методомъ»: выведенныя обратнымъ путемъ условія должны быть сперва сплошь простыми допущеніями, правильность которыхъ можетъ вытекать лишь изъ того, что они даютъ для опредѣленія предмета. Здѣсь, слѣдовательно, имѣетъ мѣсто нѣчто несравнимое и по существу противоположное всѣмъ прочимъ методамъ выведенія.

Логическое умозаключеніе исходитъ всегда изъ всеобщихъ большихъ посылокъ, которыя уже должны имѣть значеніе принциповъ; лишь въ результатѣ оно приходитъ къ частному или даже къ отдѣльному случаю (предмету). Оно подводитъ предметъ подъ принципъ, о достовѣрности котораго не сообщаетъ, однако, ничего большаго. Большія послылки недоказуемы для подводящаго заключенія. Оно можетъ доказывать только то, что стоитъ подъ принципами, и именно — только при предположеніи ихъ правильности. Общее направленіе заключенія есть, стало-быть, нисходящее «выведеніе», «дедукція».

Здѣсь же, въ трансцендентальномъ выводѣ, порядокъ вещей обращается. Здѣсь дѣло идетъ о заключеніи къ принципамъ. Оно необходимо должно ити въ направленіи восхожденія. Поэтому Платонъ, правильно обозначилъ методическое направленіе гипотезы какъ анабазисъ. А позднѣйшіе неоплатоники вполне опредѣленно противопоставляли «гипотетическому методу» «методъ аподиктический», который всегда остается необходимымъ дополненіемъ перваго. Въ этой противоположности направленій и въ обоюдномъ ихъ взаимнопроникновеніи отчетливо заложена мысль о системѣ методовъ, внутри которой гипотетическій методъ, какъ методъ заключающаго обратнымъ путемъ изслѣдованія принциповъ, образуетъ собственно философскій методъ.

Оба отношенія между принципомъ и предметомъ образуютъ, слѣдовательно, неразрывное соотношеніе. Какъ принципъ и предметъ сами въ ихъ неизбѣжной двойственности являются полюсами одной, проникнутой единствомъ, сферы бытія, такъ и координація обоихъ отношеній между этими полюсами есть въ сущности двухстороннее выраженіе

одной и той же сопринадлежности. Методологическое направлѣніе обратнаго заключенія отъ обусловленнаго къ обусловливающему коренится въ логическомъ отношеніи зависимости обусловленнаго отъ его условій; а свою познаваемость это логическое отношеніе пріобрѣтаетъ наоборотъ исключительно въ указанномъ обратномъ заключеніи. Несамостоятельность обоихъ полюсовъ еще болѣе упрочивается въ двойственности ихъ отношенія.

Чѣмъ болѣе вникаешь въ сущность указаннаго положенія вещей, тѣмъ яснѣе становится, что всякое познаніе предмета есть въ то же время познаніе принциповъ; оно, слѣдовательно, должно оперировать съ подобнымъ, заключающимъ въ обратномъ направленіи методомъ. Но тогда оказывается невозможнымъ ограничить этотъ методъ одной философійю. Онъ долженъ распространиться также на математику и на естествознаніе и даже на всякое теоретическое мышленіе. Потому что здѣсь всегда дѣло идетъ объ изслѣдованіи принциповъ. Это нетрудно показать. Математика не можетъ доказать своихъ аксіомъ иначе, какъ путемъ указанія на то, что онѣ суть условія, при которыхъ являются правильными ея теоремы. Ихъ значимость выводится, слѣдовательно, изъ того обстоятельства, что онѣ необходимы для всей системы теоремъ. Точно такъ же и въ естествознаніи построеніе гипотезъ издавна было у себя дома. Только оно здѣсь идетъ фактически гораздо дальше, чѣмъ обычно предполагаютъ. Всѣ такъ называемые законы природы и основныя понятія суть не что иное, какъ гипотезы. Тѣмъ не менѣе въ нихъ усматриваютъ логически болѣе первоначальное — условія явленій.

Это подобіе заключающаго въ обратномъ направленіи метода въ математикѣ и естествознаніи, съ одной стороны, и въ философій, съ другой, есть важное и поучительное связующее звено между различными областями познанія, на которомъ развивается всякая связь между ними по существу. Въ особенности становится при этомъ понятно, почему въ различныхъ времена и въ рамкахъ самой различной систематики философская методика можетъ «оріентироваться» на математикѣ и естествознаніи. Методъ въ обоихъ случаяхъ въ сущности одинаковъ; только въ специальной наукѣ онъ несравненно понятнѣе и конкретнѣе, чѣмъ въ философій.

Иногда говорятъ о полномъ совпаденіи метода философій и естественныхъ наукъ. Это угрожаетъ, однако, своеобразію философій. Но въ этомъ и нѣтъ необходимости. Принципы, съ которыми имѣетъ дѣло философія, лежатъ въ нѣкоторой иной сферѣ по сравненію съ математически-естественно-научной. Они лежатъ ступенью выше, образуютъ какъ бы верхній этажъ. Они сами являются опять-таки условіями прин-

циповъ науки. Ибо эти послѣдніе въ философской области опять-таки становятся проблемой, т.-е. предметомъ, принципы котораго надо найти. Слѣдовательно, и сфера предмета помѣщается здѣсь также одною ступенью выше. Законы механики суть условія движенія тѣлъ; а эти законы сами опять-таки обусловлены высшими и болѣе широкими принципами: субстанціи, причинности и пр. Обратное заключеніе въ обоихъ случаяхъ играетъ роль въ этомъ порядкѣ ступеней. Но только трансцендентальное заключеніе въ строгомъ смыслѣ есть высшій членъ цѣпи заключеній — заключеніе къ философскимъ категоріямъ. Вопросъ о принципахъ является здѣсь въ сгущенной, возведенной въ высшую степень формъ; дѣло идетъ о высшихъ первыхъ принципахъ, за предѣлы которыхъ не можетъ далѣе вести никакое обратное заключеніе. И это не только количественное различіе, но также и качественное. Ибо только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о «первыхъ принципахъ» (*ἀρχαί* въ строгомъ смыслѣ), обратное заключеніе методически предоставлено самому себѣ и является единственнымъ подходомъ къ принципамъ. И въ этой единственности обратнаго заключенія состоитъ особенность трансцендентальнаго метода, какъ нѣкотораго чисто философскаго способа заключенія. Принципы отдѣльныхъ наукъ всегда подчинены высшимъ, и именно — философскимъ принципамъ, которые — поскольку они открываются — необходимо становятся для первыхъ инстанцій нисходящаго, дедуктивнаго обоснованія (*ἀποδείξις*). Преимущество же трансцендентальнаго метода и въ то же время его трудность лежитъ въ его изолированности. Никакой нисходящій методъ не идетъ ему навстрѣчу, для подтвержденія и исправленія. Онъ лишенъ дедуктивнаго контроля, лежащаго внѣ его. Но зато онъ стоитъ на своихъ ногахъ, обладаетъ всесторонней свободой движенія, и нѣтъ такой проблемы, къ которой бы онъ не имѣлъ отношенія, на которую онъ не имѣлъ бы права.

II. ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОДЪ.

Трансцендентальный методъ есть нѣчто среднее, посредствующее, — нѣчто, создающее непрерывность между обоими полюсами познанія. Ему необходимо принадлежать въ системѣ центральное положеніе, онъ обнимаетъ ея высшія основныя понятія, также какъ и ея спеціальныя частныя случаи. Но какъ обстоитъ дѣло съ самими полюсами? Они вначалѣ несамостоятельны по отношенію къ методу, равно какъ и по отношенію другъ къ другу; это заложено въ ихъ понятіи, но не составляетъ, однако, всей ихъ сущности. Отвѣтъ на вопросъ: какимъ образомъ при-